

ОБЗОР

ЭПОХА ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРЕИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2012

Н. Н. КИМ

Под эпохой освобождения в современной южнокорейской историографии понимается период с момента капитуляции японской армии 15 августа 1945 г. до официального провозглашения в августе 1948 г. независимого государства Республика Корея¹.

С исторической точки зрения эпоха освобождения, или, как ее традиционно именуют в южнокорейской историографии, *хэбань сидэ*, представляет очень короткий период времени – всего три года. Несмотря на свою краткосрочность, события, развернувшиеся на территории Кореи в эпоху освобождения, сыграли огромную роль в дальнейшей судьбе корейского народа. Именно эти три года во многом предопределили современную историю Корейского полуострова, а если брать шире, то целого дальневосточного региона. Три года напряженного внутреннего конфликта: борьбы различных политических сил Юга Кореи за власть, за национальную независимость, за международное признание самопровозглашенных правительств. Три года тяжелейшего социально-экономического кризиса, обернувшегося массовыми демонстрациями протеста рабочих, крестьян по всей территории, оккупированной американскими войсками. Три года непрерывных поисков национального единения, завершившиеся в итоге трагичным разделением единой страны на два независимых государства.

Каковы причины раскола? Какова роль международных сил в разделении страны? Возможно ли было предотвратить раскол? Каково значение внутреннего фактора, в частности политического разобщения в разделении Кореи? Все эти вопросы в целом представляют актуальные проблемы новейшей истории Республики Кореи. В силу определенных политических причин южнокорейское правительство длительное время не приветствовало исследования по истории Кореи переходного периода 1945–1948 гг. Главным образом потому, что повышенный интерес к указанной эпохе мог вскрыть огромное количество неприятных с точки зрения государственной политики фактов из истории американо-корейских отношений, деятельности правых националистов, корейских коллаборационистов и пр.

Под влиянием демократических преобразований с середины 1980-х гг. южнокорейские историки стали активно обращаться к исследованию эпохи освобождения. В результате в конце 1980 – начале 1990-х гг. было защищено большое количество диссертаций, издан ряд коллективных трудов (*Хэбаньджонхусаэй инсик*, Хангук хёндэ чончхиса, 1989) и монографий по истории *хэбань сидэ*, ставших своего рода научным фундаментом для работ последних лет по схожей проблематике (Чве Санъён, 1988; Со Джунъсок, 1991; Со Джунъсок, 2001; То Джинсун 1997, Син Бокрён, 2001, Ким Сокчун, 1996). В последние годы выходят работы в основном узкоспециализированного

¹ В настоящем обзоре под “капитуляцией японской армии” понимается публичное заявление японского императора Хирохито о капитуляции японской армии. В действительности японские войска прекратили военное сопротивление по всем фронтам только к 20–21 сентября 1945 г.

характера, предметно исследующие какое-то одно направление по истории *хэбань сидэ*. Наибольший интерес у историков вызывают следующие темы: взаимоотношения корейских националистов с Американской военной администрацией, политика оккупационных властей на Юге Кореи [Ан Джин, Чон Бёнъджун, Чон Ёньук, Нам Квангю, Ли Хёнгён, Хо Ын]; деятельность южнокорейских политических групп, их взаимоотношения и противоречия [Ли Джудэ, Ко Чанъхе, Хван Ыйсо, Со Хигён, Ким Инсик].

Учитывая достаточно высокую степень исследованности эпохи освобождения в южнокорейской историографии, наличия в ней большого разнообразия мнений по тем или иным проблемам указанного периода, мы не в силах в настоящей статье отразить их все. К настоящему времени историками проделана огромная работа по освещению всевозможных аспектов истории переходного периода Республики Кореи: политических, социально-экономических, международных. Поэтому на данный момент вполне определенно можно выделить некоторые доминирующие подходы к освещению наиболее актуальных проблем эпохи освобождения Кореи.

В первую очередь хотелось бы остановиться на проблеме хронологии эпохи освобождения. В южнокорейской историографии отсутствует общепринятая хронология данного периода. Из-за ограниченного количества комплексных монографий большинство авторов узкоспециализированных работ пользуются методом проблемного анализа, излагая, таким образом, материал не строго последовательно исторически, а избирательно, в соответствии с решением определенных проблемных комплексов. При всем этом многообразии форм изложения материала тем не менее можно выделить определенные временные рубежи эпохи освобождения, обозначенные в большинстве работ по данному периоду. Как правило, началом *хэбань сидэ* считается 15 августа 1945 г., а завершением – май (выборы в Конституционное собрание), или август (провозглашение независимого государства Республика Корея), или сентябрь (создание Корейской Народно-Демократической Республики) 1948 г. За рамки данной хронологии выходит фундаментальная работа Син Бокрёна “История разделения Корейского полуострова”, в которой раскол приходится на 1953 г. – завершение корейской войны. Следуя его логике, корейская война – это гражданская война, а нападение Севера на Юг надо трактовать как последнюю решительную попытку Ким Ир Сена захватить власть в свои руки и объединить страну [Син Бокрён, 2001, с. 818–819].

В отличие от российских работ ни в одном труде южнокорейского автора, не говоря уже об обстоятельной справке или статье, мы не найдем упоминания о том, кто и как освобождал Корею. Иными словами, южнокорейские историки хотя и пишут об эпохе освобождения, но нигде не упоминают о той роли, которую советские войска сыграли в реальном освобождении Кореи от ненавистного колониального режима. Для них история освобождения начинается не 9 августа 1945 г., когда советские войска начали наступление в Маньчжурии и Северной Корее, а 15 августа, когда было публично объявлено решение японского императора о безоговорочной капитуляции.

Вечером 15 августа 1945 г. был создан первый национальный административный орган, состоящий исключительно из корейцев, – Комитет по подготовке к воссозданию корейской государственности. Именно с анализа деятельности этого комитета начинается большинство комплексных работ. Такое начало имеет определенное символическое значение с точки зрения истории развития корейского национализма. Буквально оно означает то, что освобождение состоялось, конечно, не без помощи войск союзников, но, главным образом, при активной работе отдельных корейских националистов, которые с самого начала были озабочены скорейшим достижением государственной независимости. Таким образом, южнокорейские историки производят определенную ревизию ставшего традиционным для зарубежной научной литературы взгляда на историю Кореи 1945–1948 гг. как “поле битвы” двух противоборствующих сил – США и СССР. Уделяя огромное внимание внутреннему фактору, они начинают писать об исто-

рии освобождения как чрезвычайно сложной и запутанной внутривнутриполитической борьбе различных политических сил Кореи между собой и с оккупационными властями.

Этот взгляд особенно четко прослеживается в работах историков левого толка [Со Джунъсок, 2001; Чве Санъён, 1998; Кан Джонъгу, 2002]. Согласно их позиции, эпоха освобождения – это период освобождения не только от японского колониального наследия, но и вообще от любых форм иностранного влияния, будь то советское или американское. То есть освобождение, – это процесс утверждения независимой корейской государственности. Для достижения полной национальной независимости необходимо было решить три главные задачи: во-первых, ликвидировать остатки колониального режима (избавиться от японской собственности, изменить систему управления, наказать японских коллаборационистов); во-вторых, сформировать единое народное правительство, способное предотвратить разделение Кореи по 38-й параллели; в-третьих, жестко придерживаться такой национальной идеологии, которая бы противодействовала любым формам иностранного вмешательства [Кан Джонъгу, 2002, с. 20]. В рамках такой постановки основных задач переходного периода освобождение фактически означает не что иное как “антифеодальную демократическую революцию” (*панпёнъгон минджю хёнмёнъ*), от успешного завершения которой зависит будущая судьба корейской государственности [Чве Санъён, 1998, с. 73].

Иными словами, освобождение, понимаемое прежде всего как некий революционный процесс, имеет множество коннотирующих связей, без должного анализа которых невозможно понять причины раскола страны. В своей совокупности все коннотирующие и основные значения освобождения образуют некое смысловое ядро эпохи освобождения, имеющее для левых историков глубоко националистический окрас. Если бы различным политическим группам Кореи удалось в конечном счете за три года внутренней борьбы и противостояния с международными силами достичь главных задач освобождения, то это бы означало, что им одновременно удалось сохранить национальную идентичность. Сохранение национальной идентичности, в свою очередь, возможно только при условии полной независимости от международных сил (*пан весэ минджокчаджусонъ*).

При таком подходе к проблемному полю освобождения наибольший научный интерес уделяется истории борьбы левого движения на территории Юга Кореи, главным образом потому, что именно левые корейские партии в жесткой форме преследовали все выше обозначенные цели освобождения. Кто имеется в виду под левым движением?

В целом в южнокорейской историографии все партии и общественные организации принято подразделять на крайне правых (консерваторов), умеренно правых, умеренно левых, крайне левых. В основе такой классификации лежит прежде всего идеологический принцип. Под правыми партиями понимаются такие политические силы, которые не выступали за решение в срочном порядке земельного вопроса, не поддерживали идею наказания корейских коллаборационистов, активно сотрудничали с американскими оккупационными властями. В наиболее концентрированном виде консервативную идеологию правого движения отражала политическая платформа Демократической партии (*Хангук Минджю данъ*).

Развернув в 1946 г. широкомасштабное движение по борьбе с опекой, правые силы в лице таких политических организаций, как Демократическая партия, группа Ли Сын Мана, Временное правительство, Национальная партия, идеологически стали базироваться на трех основных принципах: антиопекунство, антикоммунизм, антисоветизм [Ан Джин, 2005, с. 120; Чон Ёнъук, 2003, с. 485]. По мнению Со Хигёна, политика национальной независимости, проводимая Ли Сын Маном, Временным правительством на Юге Кореи с 1946 г., с политической точки зрения подразумевала национальный суверенитет (*минджок чачхи*), альянс с США, антикоммунизм. Такая линия, добавляет он, стала основной государственной политикой Республики Кореи после создания

независимого правительства в 1948 г. и продолжает таковой оставаться вплоть до настоящего времени [Со Хигён, 2006, с. 12].

Консервативная идеология правого движения во многом определялась социальной принадлежностью ее членов, но не только. Юн Минджэ пишет, что Демократическая партия формировалась из сотрудников газеты “Тон-А ильбо”, бывших членов националистических японских организаций, предпринимателей, интеллигенции [Юн Минджэ, 2005, с. 101–102]. Будучи крупными земельными собственниками, предпринимателями, ранее активно сотрудничавшими с японским колониальным режимом, правые, безусловно, не могли активно выступать за разрешение многих насущных задач освобождения, поскольку это было равносильно их политическому и экономическому самоубийству. При этом следует помнить, что не все члены правого движения принадлежали к зажиточным слоям населения, точно так же как не все они были коллаборационистами.

Под умеренно правыми группами понимаются фактически отдельные фракции правых партий, которые по каким-то определенным политическим разногласиям разошлись с основной линией центрального комитета своей партии. Так, умеренно правые группы активно включились в движение по объединению правых и левых в 1946 г., выступили в поддержку заседаний совместной советско-американской комиссии, участвовали в историческом совещании партий и общественных организаций Севера и Юга весной 1948 г. В силу отсутствия четких идеологических критериев выделения умеренно правых групп, а также гибкости их политического курса к числу их лидеров обычно относят Ким Гюсика, Ким Вонбома, Вон Сехуна, Ким Бённо.

Список лидеров умеренно левого движения традиционно возглавляют Ё Унхён, Пэк Намун. Политические требования групп, консолидировавшихся вокруг данных корейских националистов, во многом совпадали с платформой Корейской коммунистической партии. Главное же отличие было не столько в программе, сколько в тактике поведения. Умеренно левому движению был совершенно чужд радикализм, поэтому в принципе им удавалось весьма удачно балансировать между крайними звеньями политического спектра Кореи того времени, а также активно сотрудничать с Американской военной администрацией (АВА).

Умеренно правые совместно с умеренно левыми группами инициировали летом 1946 г. движение за объединение правых и левых, или, как его часто именуют в англоязычной литературе, коалиционное движение. Применительно к данной коалиции групп в южнокорейской историографии используются термины *чуньдо пха*, *чау ханчак пха*, которые могут быть переведены на русский язык как “центристы”. Юн Минджэ пишет: “Одной из отличительных особенностей корейских центристов было то, что они были объединением различных сил, политических деятелей, имеющих схожие позиции по тем или иным проблемам, но не представляющих какую-то одну партию или личность. То есть в зависимости от проблемы или ситуации быстро менялись принципы объединения, состав центристов. Если сразу после освобождения центристы группировались вокруг Ё Унхёна, Пэк Намуна, то с началом движения по объединению правых и левых в 1946 г. их состав расширился за счет включения в него группы Ким Гюсика. Когда же развернулось движение по борьбе с сепаратными выборами в 1947 г., то к центристам примкнул Ким Гу, став центральной фигурой в движении за национальное единство” [Юн Минджэ, 2005, с. 524].

В целом наиболее метко об идеологической характеристике политических курсов крайних правых и центристов (умеренно правых и умеренно левых) высказался Нам Квангю: “Фактически в начале эпохи освобождения между различными национальными силами Кореи не было большой разницы в политических концепциях, взглядах на политическое устройство, социальную политику, наоборот, было много сходства. За исключением Корейской коммунистической партии, многие политические партии имели похожие политические доктрины и программы. Межличностные отношения и

политическое лидерство были главными векторами борьбы между десятками политических партий, тогда как разделение по идейным разногласиям скорее было исключением” [Нам Квангю, 2006, с. 163].

Лидером крайне левых политических групп считается Корейская коммунистическая партия во главе с Пак Хоньёном. Следует отметить, что практически все исследователи отмечают чрезвычайную активность корейских коммунистов в первые месяцы после освобождения, их высокую популярность и влияние в рабоче-крестьянской среде. Бескомпромиссность Пак Хоньёна, отсутствие должного понимания международной обстановки, сложившейся вокруг Корейского полуострова, фракционная борьба, а также непродуманная тактика в отношении американских оккупационных властей привели корейских коммунистов Юга в полный политический тупик, из которого уже невозможно было достойно выбраться. По мнению Ли Хёнъджу, “...период после освобождения Кореи в августе 1945 г. и до открытия Московского совещания в декабре того же года был временем, когда корейские коммунисты в некоторой мере самостоятельно могли выбрать и решить, какова будет их политическая линия в отношении единого национального фронта и пр. Но фракционистское сознание, озабоченность каждой фракции своим превосходством, догматизм существенно сузили возможность выбора” [Ли Хёнъджу, 2006, с. 109]. Син Бокрён именует корейских коммунистов не иначе как «романтиками, воодушевленными идеологией народников или “движением в народ”». За исключением некоторых, корейские коммунисты, пишет историк, не понимали подлинного смысла марксизма. “Настолько слабое у них было понимание марксизма, что они сводили социализм к идее социального равенства” [Син Бокрён, 2006, с. 295].

Борьба с коммунистическим влиянием на Юге Кореи стала главным вектором политической деятельности правых политических групп в разгар движения по борьбе с опекой. Почему правые силы решительно выступили против опеки? Здесь мы подошли еще к одной дилемме южнокорейской историографии – выяснению причин возникновения движения по борьбе с опекой. Кто был прав – те, кто выступал в поддержку решения о Корее Московского совещания, или те, кто рьяно был против принятого решения? Со Джуньсок пишет, что “...иностранцы никак не могут понять, почему, когда США и СССР совместно принялись за разрешение корейского вопроса, и правые и левые политические силы вместо того, чтобы содействовать созданию национального правительства Кореи, зациклились на выдвижении второстепенных лозунгов – за или против опеки. Корейские политические группы после освобождения относились к борьбе против опеки или в поддержку Московского решения как к своему моральному долгу, в силу чего все оказались подвержены влиянию повсюду распространявшихся лозунгов” [Со Джуньсок, 2001, с. 22]. В действительности под этими лозунгами, считает Со Джуньсок, скрывались определенные политические интересы ряда групп, которые пытались таким образом добиться наиболее эффективного результата своей политической деятельности. «Прежде всего, надо иметь в виду, что в лозунгах “за опеку” или “против опеки” было много демагогии.

В политической обстановке после освобождения при выборе позиции партии руководствовались чаще всего принципом “либо белое, либо черное”. Поэтому они активно пользовались такими простыми лозунгами как “за опеку” или “против опеки”» [Со Джуньсок, 2000, с. 23]. Корейская коммунистическая партия (Трудовая партия Южной Кореи), далее поясняет историк, в лице своего лидера Пак Хоньёна поддержала Московское решение об опеке, поскольку считала, что Корея пока не готова к самостоятельности, и ей необходима помощь союзников. Что касается умеренно левых, Ё Унхёна, Пэк Намуна, а также тех сил, которые не менее были озабочены достижением национального суверенитета, созданием единого национального фронта, вроде Ким Гу, то решение об опеке вызвало у них однозначно очень тяжелые чувства, так что они никак не могли его поддержать сначала. Но поскольку решение Московского совещания трех министров было единственным совместным решением союзников (СССР,

США, Англии), касающимся создания национального государства, то они в конечном итоге поддержали его и стали активно содействовать успеху заседаний совместной советско-американской комиссии. «Правые партии выступили против опеки, во-первых, потому, что они таким образом могли выставить своих политических конкурентов – коммунистов в качестве “предателей родины”, а во-вторых, отместить возможную критику в свой адрес в случае создания сепаратного правительства на Юге Кореи» [Со Джунъсок, 2001, с. 27].

Син Бокрён пишет: “Не совсем логично говорить, что те, кто выступал за опеку, были прокоммунистически настроенными, а те, кто выступали против, были националистически настроенными группами. Также неверно говорить, что позиция группы за опеку была сугубо эмоциональной, а против опеки – теоретически обоснованной. Обе группы заняли неразумные и непатриотичные позиции в отношении своей страны. Они не имели каких-то отчетливых идей, а были озабочены только собственными интересами. Они должны были убедить массы, дабы посеять в них якобинские умонастроения. Они вынуждены были руководить народом в суматохе освобождения, и делали это так, как глазной хирург удаляет катаракту” [Син Бокрён, 2006, с. 797].

Метафоричное высказывание Син Бокрёна, характеризующее отношение различных политических партий к опеке, во многом повторяет логику Со Джунъсока. И первый и второй авторы указывают на чрезвычайно плоский подход корейских националистов к решению проблемы опеки. Ведь мало кто из политических лидеров того времени внимательно анализировал текст решения о Корее, принятый на совещании министров иностранных дел в Москве в декабре 1945 г. Более того, мало кто учитывал международную обстановку, сложившуюся вокруг Кореи и далеко за ее пределами. Как бы ни хотели корейские националисты исключить международный фактор в восстановлении корейской государственности, избавиться от него в сложившейся ситуации было совершенно невозможно. Не обладая реальной властью в Корее, ни на Юге, ни на Севере, судьба той или иной политической группы во многом зависела от их взаимных отношений с оккупационными властями. Поэтому, прежде чем превратить “опеку” в центральную тему своих политических дискуссий, каждой политической партии необходимо было серьезно задуматься: а стоит ли вообще в ситуации оккупации и роста напряженности в отношениях между СССР и США рьяно бороться с принятым на Московском совещании решением о Корее?

С точки зрения оценки международной ситуации и подхода к американским властям относительно рациональную позицию заняли центристские группы. “Для центристских групп оккупация американскими и советскими войсками Кореи была неопровержимой реальностью. Поэтому взгляд их на иностранные армии был довольно объективным и спокойным. С первых дней освобождения центристы восприняли присутствие иностранных сил и иностранных армий как необходимое зло. Вместе с тем они постоянно подчеркивали, что корейская проблема должна быть разрешена корейцами самостоятельно, собственными усилиями. Поэтому они считали, что наиболее коротким путем к созданию единого и независимого государства является вывод в кратчайшие сроки оккупационных армий с территории Корейского полуострова. Хотя они указывали, что опасно верить какой-то иностранной державе, но не отказывались от сотрудничества с ней после вывода оккупационных армий” [Ли Хёнён, 2005, с. 67]. Корейские центристы, в отличие от крайне левых и правых групп, занимавших однозначно позитивную или негативную позицию в отношении СССР или США, пытались балансировать в условиях нарастающей напряженности между двумя крупными державами. Конечно, они не могли таким образом примирить позиции США и СССР в отношении корейской проблемы, но они могли хотя бы избежать внутреннего конфликта между политическими группами, обострившегося из-за разных оценок роли иностранных держав в воссоздании корейской государственности.

Как пишет Нам Квангю, “Ё Унхён, следуя идеям прогрессивной демократии и интернационализма, считал, что, несмотря на существующую разницу в идеологии и политической системе между СССР и США, сотрудничество с обоими государствами поможет Корее достичь независимости и освобождения” [Нам Квангю, 2004, с. 76].

К сожалению, корейским центристам не удалось сгладить внутренних противоречий и предотвратить раскол страны. Причин неуспешной политики центристов было много, можно привести лишь некоторые, часто упоминаемые в южнокорейской историографии: во-первых, они не имели массовой поддержки; во-вторых, были слабы организационно; в-третьих, американская администрация, хотя и поддержала комитет по объединению правых и левых, организованный центристами, в конечном счете просто использовала его в своих интересах, лишив таким образом всякого политического авторитета и веса в глазах соперничавших националистических групп Юга Кореи [Чон Бёнъджун, 1997; Чон Ёнъок, 2003; Юн Минджэ, 2005].

В итоге мы подошли к одному из главных вопросов эпохи освобождения: кто виноват в разделении Кореи? Только ли американцы, инициировавшие проведение сепаратных выборов, или сами корейцы тоже приложили руку к разделению своей страны? Учитывая условия освобождения Кореи, безусловно, никто из историков не осмелится даже при всем внимании к внутривнутриполитическим разобщениям в среде корейских националистов игнорировать международный фактор, роль США и СССР в разделении Кореи. Другое дело, каким образом историки расставляют приоритеты при исследовании причин раскола.

Как пишет Ан Джин, Американская военная администрация руководствовалась в отношении Кореи политикой “позитивного отбора” (positive selection), выбирая только те политические силы, которые были дружелюбно настроены по отношению к проводимой ею оккупационной политике. Считая национальные силы, консолидировавшиеся вокруг Корейской коммунистической партии, наиболее опасными для проведения оккупационной политики, Американская военная администрация начала активно их подавлять. “В итоге руководящей политической силой при формировании корейской государственности был избран союз группы Ли Сынмана с Демократической партией” [Ан Джин, 2005, с. 136]. Такая позиция, считает Ан Джин, была продиктована общей внешнеполитической стратегией США на Дальнем Востоке после Второй мировой войны. “Первая цель, которую преследовали США в Корее, – сдержать распространение влияния Советского Союза в регионе. С экономической точки зрения Америка стремилась втянуть Южную Корею во всемирную капиталистическую систему, центром которой являлись США. С политической точки зрения она намеревалась утвердить на Юге Кореи либерально-демократическую систему западного типа” [Ан Джин, 2005, с. 253].

По мнению Син Бокрёна, дискуссии вокруг режима опеки обернулись глубоким внутринациональным разобщением, что, несомненно, способствовало закреплению раскола. Даже несмотря на то, что корейские националисты эпохи освобождения отстаивали идеи государственного единства, считает историк, они в конечном счете последовали политике разделения, проводимой СССР и США. “Если бы корейские политические деятели жестко придерживались позиции сохранения единства, в частности отбросили в сторону свои эгоистичные интересы, побеспокоились о завтрашнем дне корейского народа и приложили для этого максимум усилий, они смогли бы предотвратить разделение Кореи вне зависимости от того, какую политику проводили США и Советский Союз. В этом смысле ответственность за разделение лежит и на корейском народе” [Син Бокрён, 2001, с. 59].

Со Хигён считает, что в условиях оккупации, противоречивой политики двух супердержав в отношении Кореи с самого начала освобождения у корейцев было мало шансов для того, чтобы сохранить свое национальное и государственное единство. В некотором смысле борьба вокруг опеки сузила и без того маленькую возможность объединения, разделив политические силы Кореи на два противоположных лагеря.

По замечанию историка, "...если бы корейские националисты правого и левого толка успешно договорились между собой, создав коалиционное правительство, как это сделали итальянцы после Второй мировой войны, тогда бы Корея не знала трагических страниц и сегодня славилась миром, процветанием и свободой" [Со Хигён, 2006, с. 35].

В целом в современной южнокорейской историографии отчетливо присутствует понимание причастности политических групп корейских националистов к разделению Кореи. В действительности такая позиция, помимо того, что она демонстрирует определенности рода смелость южнокорейских историков, позволяет вскрыть националистический характер освобождения Кореи. Освобождение творилось руками самих корейцев, руководимых различными политическими группами. Каждая группа, имея свое представление будущего политического устройства страны, отчаянно боролась за претворение своего плана всеми доступными для нее способами. Но не всем удалось в итоге остаться в лидерах. И вот здесь-то ощущается своего рода разочарование и боль отдельных историков относительно того, чем в конечном счете завершилось освобождение. Освобождение Кореи завершилось победой жестко консервативной политической идеологии группы Ли Сын Мана, единственного корейского националиста, упорно отстаивающего идею создания сепаратного правительства на Юге Кореи. Между тем эпоха освобождения в лице таких крупных политических деятелей того времени, как Ё Унхён, Ким Гу, Ким Гюсик, Чо Бонъам, могла предложить и иные пути развития корейской государственности, более оптимальные с точки зрения сохранения национального единства и подлинной независимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ан Джин. *Мигунджонъква хангугый минджуджуый (Американская военная администрация и корейская демократия)*. Сеул, 2005.
- Кан Джонггу. *Пунданква чонджэньый хангукхёндэса (Современная история Кореи: раскол и война)*. Сеул, 2002.
- Ли Хёнгён. Хэбанъху намхан чонъчхи серёгий вугуккунэ тэхан инсикква яньгунчхольтхве нонджэнь (Отношение политических сил Южной Кореи к оккупационным войскам и дискуссии вокруг их вывода после освобождения) // *Хангук чончхивегёса нончхон (История внешней политики Кореи)*. Сеул, 2005.
- Ли Хёнъджу. Чосон конъсанданый кволлёк кусонъква чосонинмингонъхвагук (Построение власти Корейской Коммунистической партии и деятельность Народной Республики) // *Хангук кынхёндэса ёнгу (Исследования по новой и новейшей истории)*. 2006. Вып. 36.
- Нам Квангю. Хэбанъчхо кунэый чонъчхи серёгий тэве инсикква тэвеносоньль туллоссан серёк тхуджэнь (Понимание политическими силами Кореи международной обстановки и их разногласия по вопросам внешней политики сразу после освобождения) // *Хангук чончхивегёса нончхон (История внешней политики Кореи)*. Сеул, 2004.
- Нам Квангю. Конгук чунбививонхве чунъанъджоджикый якхвакваджонъква ёин (Причины ослабления центрального органа Подготовительного комитета по воссозданию корейской государственности) // *Хангук чончхивегёса нончхон (История внешней политики Кореи)*. Сеул, 2006.
- Со Джунъсок. Намбук хёпсанъ: Ким Гюсикый киль, Ким Гугый киль (Переговоры Юга с Севером: путь Ким Гюсика и путь Ким Гу). Сеул, 2001.
- Син Бёнъсик. Хангук хёндэсава че самый киль – Ё Унхён, Ким Гу, Чо Бонъамый носоньль чунъсимыро (Современная история Кореи и третий путь: политические линии Ё Унхёна, Ким Гу, Чо Бонъама) // *Хангук чончхихак хвебо (Центр исследования корейской политики)*. Сеул, 2000.
- Син Бокрён. *Хангук пунданса ёнгу (История разделения Корейского полуострова)*. Сеул, 2001.
- То Джинсун. *Хангук минджокджуыйва нампуккванге (Корейский национализм и отношения Юга с Севером)*. Сеул, 1997.
- Чон Ёнъук. *Хэбанъ чонху мигугый тэхан чонъчхэк (Политика США в Корею до и после освобождения)*. Сеул, 2003.
- Чве Санъён. *Мигукква хангукминджуджуый (США и корейский национализм)*. Сеул, 1998.
- Юн Минджэ. *Чунъдоххай минджокчуый ундонъква пунданкукка (Национальное движение центристских сил и разделение корейского государства)*. Сеул, 2005.